

А. С. ИЩЕНКО

**«КАК НЫНЕ СБИРАЕТСЯ ВЕЩЕЙ ОЛЕГ...»
ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ О ЛЕГЕНДАРНОМ ВОИТЕЛЕ РУСИ¹**

Рассматривается принадлежащая перу Е.В. Пчелова биография князя Олега Вещего. Показаны как достоинства книги, так и некоторые её недостатки. К числу достоинств отнесены высокий научный уровень, привлечение всего массива известных источников, тщательный их анализ. Главный же недостаток, по мнению рецензента, недооценка автором символизма многих летописных описаний деятельности Олега.

Ключевые слова: *Олег Вещий, Повесть временных лет, скандинавская сага, историческая память.*

Нельзя сказать, что фигура киевского князя Олега Вещего обделена вниманием историков. Ему посвящено солидное число статей, уделяется заметное внимание в обобщающих трудах по истории Древней Руси, однако специальное монографическое исследование до недавних пор отсутствовало. Книга московского историка Е.В. Пчелова, известного своими работами по генеалогии и истории династий Рюриковичей и Романовых, представляет собой первую попытку воссоздания биографии Олега Вещего. Книга базируется на достаточно широком круге древнерусских, скандинавских, византийских и восточных источников, в значительной мере автор учитывает и труды предшественников.

Перед читателем предстаёт, по существу, продолжение более ранней работы Е.В. Пчелова, посвящённой легендарному родоначальнику великокняжеской династии князю Рюрику², также вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей». Как и в работе о Рюрике, в новой книге удалось искусно и занимательно, но без ненужных упрощений показать читателю своего героя на фоне эпохи. Конечно, книга о Рюрике в силу крайней скудости известий о нём в источниках явилась не столько биографической, сколько историографической, в случае же с Олегом – перед нами настоящее биографическое описание, состоящее из запоминающихся эпизодов разных этапов его жизненного пути. При этом к чести автора, следует отметить, что на всём протяжении повествования он остаётся в рамках научного поля, за редким исключением пытается избегать сомнительных гипотез, четко маркируя не имеющие оснований в источниках домыслы и недоказанные догадки, как, например, версию о крещении Олега незадолго до смерти. Последняя, как точно замечает Е.В. Пчелов, «носит спекулятивный характер и абсолютно противоречит тому образу князя, который представлен в летописи» (с. 248).

Препарируя данные источников, автор, впрочем, зачастую недооценивает символизм многих летописных описаний, стремясь непременно разглядеть в них отражения реального положения вещей. Конеч-

¹ Рец. на книгу: Пчелов Е.В. Олег Вещий. Великий викинг Руси. М., 2018.

² Пчелов 2010.

но, как справедливо заметила Т.Л. Вилкул, исследователи ещё долго будут биться над решением вечной проблемы: что в древнерусских текстах относится к реалиям, а что – к «виртуальному» миру летописца. Но уже сейчас очевидно, что «значительное число летописных сцен всё-таки не являются "писанными с натуры"»³. Несмотря на это, практически все летописные известия об Олеге, имеющие символический смысл, Е.В. Пчелов трактует исключительно буквально. В словах, вложенных летописцем в уста князю после захвата им Киева: «Се буди мати городом руським», он усматривает лишь объявление Киева «столицей, центром всей Руси» (с. 49). Однако, приписываемые Олегу заслуги по превращению Киева в столицу единого Древнерусского государства лишены оснований. С уверенностью можно утверждать, что о столичном статусе Киева он не только не помышлял, но даже и не догадывался о существовании такового. Представления о столичности Киева (термин «столица» в древнерусском языке не зафиксирован) сформировались только после принятия христианства на Руси и являлись, как показал А.В. Назаренко, продуктом воспроизведения константинопольской модели, заимствованием из византийского идиомно-религиозного наследия⁴. В словах, вложенных летописцем в уста Олегу, речь идёт вовсе не об учреждении в Киеве столицы единого государства, а об имплицитном отождествлении Киева с Новым Иерусалимом⁵. Упрощённым представляется и толкование автором рассказа о походе Олега на Константинополь, а именно упоминаний о поставлении кораблей Руси на колёса, о парусах из драгоценных материй, сшитых для руси и славен и о том, как на ворота города был повешен щит. Конечно, автор обнаруживает знакомство с символической трактовкой этих сюжетов, таящих в себе скрытые библейские цитаты и аллюзии, но считает такое толкование неубедительным.

Вслед за Повестью временных лет и другими древнерусскими летописями он признаёт Олега «родичем» легендарного Рюрика, то есть «представителем того же рода, что и основатель княжеской династии» (с. 25). При этом, если Рюрика, опираясь на историографическую традицию, идущую от Ф. Крузе, Е.В. Пчелов склонен отождествлять с известным по западноевропейским источникам Рориком Фрисландским (или Ютландским), то Олега – со скандинавским конунгом Хельги, правившим в 890-х гг. в Дании (с. 27–29). Его превращение в древнерусского князя произошло, по мнению автора, незадолго до 900 г. Изгнанный из Ютландии конунг отправился в землю новгородских славен, где и занял вакантное место умершего к этому времени своего «родича» Рюрика. Такая хронология не признается существенной помехой для отождествления ютландского Хельги с древнерусским Олегом, поскольку, выстроенная в летописи хронологическая канва его правления на Руси является, по общему мнению, достаточно условной. Заметим, что предпо-

³ Вилкул 2015: 314

⁴ Назаренко 2009: 103–113.

⁵ Данилевский 1999: 134–150; Петрухин 2003: 102–103; Ричка 2005.

ложение о тождественности Олега и упоминаемого со слов датского короля Адамом Бременским Хельги ранее высказывал А.А. Горский⁶. На его труды Е.В. Пчелов во многом собственно и опирается, полагая вслед за ним, что «первые древнерусские князья варяжского происхождения были представителями датских родов конунгов, чей именовослов восходил к династии Скьёльдунгов» (с. 29), древнейших датских конунгов, потомков легендарного Скьёльда – сына самого Одина. Вывод интересный, но недоказуемый. С не меньшим успехом можно вести речь, например, о норвежском или шведском происхождении первых русских князей. Состояние источников оставляет пространство только для гипотез. Данная гипотеза при этом достаточно легковесна. Всё, что нам известно о последнем конунге Дании из династии Скьёльдунгов по имени Хельги, довольно сложно увязать с информацией об Олеге Вещем. Совершенно неясно, в частности, каким образом датский Хельги мог оказаться на Руси в ту пору, когда прямых связей между Данией и Русью ещё не было⁷. Конечно, в отличие от мифического Рюрика, Олег, чьё существование задокументировано русско-византийскими договорами, был фигурой вполне исторической. Однако о его происхождении с большей или меньшей уверенностью можно утверждать только то, что, судя по имени (от *Helgi* – «священный»), он был скандинавом. В отличие от его предшественника, сведений о деяниях Олега сохранилось немало. Но и здесь исследователя подстерегает целый ряд трудностей, связанных как с легендарным характером большинства летописных известий о нём, так и с самой природой нарратива, которую Е.В. Пчелов, к сожалению, учитывает недостаточно.

Своё повествование об Олеге он выстраивает во многом в соответствии с летописной канвой, дополняя данные летописей сведениями из зарубежных источников и их учеными толкованиями. Летописный рассказ служит своего рода стержнем, на который, соглашаясь или оспаривая, историк нанизывает свои интерпретации. При этом автор продолжает придерживаться сомнительной в свете исследований последних десятилетий гипотезы о существовании предшествовавшего Повести временных лет и сохранившегося в Новгородской Первой летописи «Начального свода»⁸, хотя в ряде случаев и признаёт, что первоначальный текст сохранился не в ней, а в Повести. Только бы усилило работу и более пристальное внимание автора к исследованиям по истории начальной Руси, позволяющим взглянуть на неё независимым от летописной канвы взглядом⁹.

Книга Е.В. Пчелова оказывается в этой связи достаточно традиционной, а деятельность её главного героя – весьма впечатляющей. Узнав

⁶ Горский 2012: 107–108.

⁷ Пашуто 1968: 23–24.

⁸ Вилкул 2003: 5–35; Вилкул 2015: 180–239, 439–443; Ostrowski 2007; Толочко 2009. С. 49–53; Толочко 2015: 20–34, 40–43; Толочко 2016: 52–53.

⁹ Толочко 2015.

о княжеском достоинстве Олега, оттеснившего подросткового Игоря Рюриковича «от дел реального управления» (с. 23), его предполагаемом происхождении, читатель далее познакомится с тем, как Олег, убив Аскольда и Дира, захватил Киев, что стало «решающим шагом на пути государственного строительства в Восточной Европе» (с. 49); покорял славянские племена, осаждал Константинополь и заключал с византийцами мирные договоры; наконец, по возвращении в Киев принял предсказанную волхвом-язычником кончину от своего любимого коня. В эту летописную канву вклинивается лишь отсутствующий в летописях, но известный по сочинениям восточных авторов, сюжет о военной активности русов на Каспии, которая стала, по словам Е.В. Пчелова, «ещё одним следствием похода Олега на Византию и мирного договора с греками» (с. 98). И хотя сам князь, по его мнению, «в каспийской эпосе участия не принимал» (с. 115), этим событиям посвящена отдельная глава книги. В ней же идёт речь и об известном из Кембриджского документа воевавшем на Каспии некоем русском князе Хельгу. Оспаривая его связь с Вещим Олегом, Е.В. Пчелов, вслед за А.А. Горским, полагает, что он был одним из представителей правящего в 940-х гг. в Киеве княжеского рода (с. 125). Не отрицая этого, следует всё же заметить, что состав последнего отражён в русско-византийском договоре 944 г., и среди перечисленных в нём имён Хельгу не встречается. Если же он был, как предполагает исследователь, предводителем отряда «полунезависимой» дружины, то уподобление его летописному воеводе Свенельду исключает принадлежность к правящему роду. Проблема существования одного или двух Олегов ранней истории Руси по-прежнему, таким образом, остаётся неясной.

Из всех рассмотренных в книге сюжетов наиболее тщательно проработан сюжет о смерти князя от своего коня или точнее от укуса коварной змеи, таившейся в его черепе. В посвящённой ему главе подвергнут детальному анализу не только сам летописный рассказ и его вариации, но и ряд европейских средневековых аналогий, наиболее близкой из них обоснованно признаётся рассказ скандинавской саги о смерти Одда Стрелы. Не сомневаясь в реальном существовании данного скандинавского персонажа, автор склоняется к тому, что легенда о смерти героя «от коня» изначально сложилась на Руси и лишь впоследствии была приурочена к личности Одда. В то же время, имея ввиду указание Новгородской Первой летописи на уход Олега «за море», он не исключает того, что эта легенда изначально вовсе необязательно связывала смерть князя с Русью. Он, как полагает Е.В. Пчелов, «действительно мог отправиться в Скандинавию по каким-то делам и навсегда исчезнуть из древнерусской истории» (с. 186). Как видим, однозначного ответа на вопрос о взаимосвязи рассказов древнерусской летописи и скандинавской саги историком не предложено. Сам этот рассказ мог возникнуть задолго до его инкорпорации в литературную ткань и летописи, и саги.

Заключительная глава книги посвящена исторической памяти об Олеге. В ней рассматривается распространение в княжеской среде самого имени Олег, изображения Вещего Олега на миниатюрах Радзивилловской летописи и медалях эпохи Екатерины II, образ князя в театральных постановках, литературном и художественном творчестве XIX–XX вв. Весьма познавательной и находящаяся, что называется «в тренде», написана она довольно бегло.

В конце книги помещены два приложения – «Монета Вещего Олега. Нумизматический скандал середины XIX века» (с. 186–193) и без того подробно изложенная в основном тексте «Сага об Олде Стреле» (с. 194–227). Книга также снабжена примечаниями и краткой библиографией. Будучи профессионально и хорошо написанной, она представит интерес для всех, увлечённых древнерусской историей.

Несмотря на ряд высказанных замечаний, сдаётся, что «первый блин» всё же не вышел «комом». Реконструируя биографию Олега Вещего, Е.В. Пчелов проделал большую работу, благодаря которой те, кто будут писать о нём позже, несомненно, лучше поймут и объяснят деяния этого «великана исторического сумрака».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Vilkul T.* Літопис і хронограф. Студії з домонгольського київського літописання. Київ: Інститут історії України НАН України, 2015. 518 с.
- Gorskiy A.A.* Первое столетие Руси // *Средневековая Русь*. Вып. 10: К 1150-летию зарождения российской государственности. М.: Индрик, 2012. С. 7–112.
- Danilevskiy I.N.* Мог ли Киев быть Новым Иерусалимом? // *Одиссей: Человек в истории*. 1998. М.: Наука, 1999. С. 134–150.
- Назаренко А.В.* Была ли столица в Древней Руси? Некоторые сравнительно-исторические и терминологические наблюдения // Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год). М.: Русский Фонд Содействию Образованию и Науке, 2009. С. 103–113.
- Паушто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. 472 с.
- Петрухин В.Я.* История славян и Руси в контексте библейской традиции: миф и история в Повести временных лет // *Древнейшие государства Восточной Европы: 2001 год: Историческая память и формы её воплощения*. М.: Вост. лит., 2003. С. 93–112.
- Пчелов Е.В.* Олег Вещий. Великий викинг Руси. М.: Молодая гвардия, 2018. 261 с.
- Пчелов Е.В.* Рюрик. М.: Молодая гвардия, 2010. 316 с.
- Ричка В.М.* «Київ – Другий Єрусалим» (з історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі). Київ: Інститут історії України НАН України, 2005. 243 с.
- Толочко А.П.* Краткая редакция Правды Русской: происхождение текста. Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. 136 с.
- Толочко А.П.* Очерки начальной руси. Киев; СПб: Лаурус, 2015. 336 с.
- Толочко П.П.* Откуда пошла Русская земля. Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2016. 292 с.
- Ostrowski D.* The Načalnyj Svod Theory and the Povest' vremennyx let // *Russian Linguistics*. Vol. 31 (3). 2007. P. 269–308.

REFERENCES

- Vilkul T.* Litopys i khronohraf. Studii z domonholskoho kyivskoho litopysannia. Kyiv: Instytut istorii Ukrainy NAN Ukrainy, 2015. 518 s.
- Gorskiy A.A.* Pervoe stoletie Rusi // *Srednevekovaya Rus'*. Vyp. 10: K 1150-letiyu zarozhdeniya rossiyskoy gosudarstvennosti. M.: Indrik, 2012. S. 7–112.
- Danilevskiy I.N.* Mog li Kiev byt' Novym Ierusalimom? // *Odissey: Chelovek v istorii*. 1998. M.: Nauka, 1999. S. 134–150.

- Nazarenko A.V. Byla li stolica v Drevney Rusi? Nekotorye sravnitel'no-istoricheskie i terminologicheskie nablyudeniya // Nazarenko A.V. Drevnyaya Rus' i slavyane (Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy, 2007 god). M.: Russkiy Fond Sodeystviyu Obrazovaniyu i Nauke, 2009. S. 103–113.
- Pashuto V.T. Vneshnyaya politika Drevney Rusi. M.: Nauka, 1968. 472 s.
- Petruhin V.Ya. Istoriya slavyan i Rusi v kontekste bibleyskoy tradicii: mif i istoriya v Povesti vremennykh let // Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy: 2001 god: Istoricheskaya pamyat' i formy eyo voploshcheniya. M.: Vost. lit., 2003. S. 93–112.
- Pchelov E.V. Oleg Veshchiy. Velikiy viking Rusi. M.: Molodaya gvardiya, 2018. 261 s.
- Pchelov E.V. Rurik. M.: Molodaya gvardiya, 2010. 316 s.
- Rychka V.M. «Kyiv – Druhii Yerusalyim» (z istorii politychnoi dumky ta ideolohii seredno-vichnoi Rusi). Kyiv: Instytut istorii Ukrainy NAN Ukrainy, 2005. 243 s.
- Tolochko A.P. Kratkaya redakciya Pravdy Ruskoy: proiskhozhdenie teksta. Kiiiv: Institut istorii Ukraini NAN Ukraini, 2009. 136 s.
- Tolochko A.P. Ocherki nachal'noy rusi. Kiev; SPb: Laurus, 2015. 336 s.
- Tolochko P.P. Otkuda poshla Ruskaya zemlya. Kiev: Izdatel'skiy dom Dmitriya Burago, 2016. 292 s.
- Ostrowski D. The Načalnyj Svod Theory and the Povest' vremennykh let // Russian Linguistics. Vol. 31 (3). 2007. P. 269–308.

Ищенко Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, философии и социальных технологий, Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт ДГАУ; ischenko-2010@mail.ru

**«Oleg, the wise Prince, roused to arm...»:
the first monograph about the legendary warrior**

The biography of Prince Oleg the Prophet by E.V. Pchelov is considered. Merits and demerits of the book are shown. High level of academic text, using the entire array of known sources and their careful analysis are undoubtedly among the values of the monograph. The main drawback, according to the reviewer, is the author's underestimation of the symbolism of many descriptions of Oleg's life in annals.

Keywords: E.V. Pchelov, Oleg the Prophet, Tale of Bygone Years, Scandinavian saga, historical memory

Aleksandr Ischenko, PhD (History), Associate Professor, Department of History, philosophy and Social Technologies, NovoCherkassk Institute of Engineering and Land Reclamation, Don State Agrarian University; ischenko-2010@mail.ru